№ 9 (22) 2011
Общеписательская Литературная газета

Андрей Минеев

Арктур, Гончие псы, Волосы Вероники…

рассказы

Тихая жизнь Валерии

Во дворе выбивают ковёр, бухает эхо. По земле ползут длинные вечерние тени. Душно. Наверное, дождь будет.

Запах дыма с пустыря за гаражами. Доносится крик знакомой девочки с балкона:

– Вова, тебя мама зовёт!

Скрытый густыми кустами мальчик даже голову не повернул. Продолжает заниматься своими важными делами. Немного спустя раздаётся раздражённый крик матери:

– Вовка! Быстро домой!

– Слышу! – дерзко восклицает он. – Я не глухой!

Постепенно темнеет. Фонари не загораются. Двор становится таинственным. В темноте раздаётся звонкий поцелуй и брошенные насмешливо слова:

– До свидания, милое создание!

Ничего не видно, только звуки. Неожиданно громко хруст кустов и злобный собачий лай. Пронзительный кошачий визг и звук царапающих ствол дерева когтей.

Во тьме щёлкает зажигалка.

– Ты сколько с ним встречаешься? Ты до сих пор не поняла, что это за кекс?

В тёмной комнате прерывистое частое дыхание. Вздох, всхлип. Шелест простыни, на которой извиваются голые тела. Её страстный жалкий шёпот:

– Повтори, пожалуйста, как ты меня назвал?

За стеной в соседней комнате со стола на пол летит тарелка и разбивается вдребезги. Звон посуды, грохот, хлёсткая пощёчина. Её истеричный крик:

– Повтори, как ты меня назвал!

Наступает ночь. Всё тонет в густой тишине. Подул ветер. Шевелятся кусты. Подозрительная возня в темноте. Чьё-то рычание. Чей-то писк.

Свист сверчка. Удивительная прекрасная ночь. У открытого окна на последнем этаже стоит Валерия. Далеко внизу шумят деревья. Далеко вверху светит Луна. Открылась бездна, звёзд полна…

Как много звуков ночи. Какие они разные, странные, загадочные. Где-то там внизу. Во тьме. Шелест листьев, ветер, шорохи.

Тихая ночь. Она оглушительна.

* * *

В полной тишине яростно спорили. Отвернись – и не догадаешься, какие страсти за спиной кипят. Молодая учительница и разного возраста слушатели курсов. Они машут руками, подскакивают с мест, выпучивают глаза, морщат лоб. Быстро вертятся пальцы, бесшумно выразительно шевелятся губы. Невообразимая мимика, ведь лицом они передают интонацию. Валерия поворачивает голову в разные стороны. Отвечает торопливыми резкими жестами. Видно, что она увлечённо пытается им доказать что-то. Потом, опомнившись, смотрит на часы и показывает, что занятия окончены. Все поднимаются с мест, собирают вещи. Сразу шум двигаемых стульев.

Они окружают её. Берут за руки, трогательно просят о чём-то. Она качает головой, с сожалением прикладывает ладонь к груди. Потом все расходятся. Закончился тихий урок.

Валерия собой недовольна. Забыв про предмет, ввязалась в глупый спор. Они ей вдруг заявили, что здоровые люди им должны. А она не сдержалась и ответила, что лично она им ничего не должна. Что у неё зарплата, как у них, пенсия. Но ей надо работать за эти деньги. А ещё она на море не может себе позволить съездить. А им путёвки бесплатно дают. Они в кино, в аквапарк бесплатно ходят. Что она в Питер мечтает съездить. Она там не была ни разу. Но не может их уговорить и, как сопровождающая, бесплатно с ними поехать. Они все там много раз были, они не хотят, им это не интересно. В ответ они наперебой стали жаловаться, как им тяжело.

Валерия повернулась на скрип двери. Увидев вошедшую женщину, она от досады скривила лицо:

– Опять вы пришли. Я ведь вам говорила!

– Может, он вас послушает. Я его и дома закрывала. Одежду прятала.

– А я что могу сделать? – Валерия обходит плачущую мать своего ученика и торопится уйти.

– Лера! – укоризненно говорит подруга, которая давно дожидается её на лестнице. – Почему тебя всё время ждать приходится?

– Потому что! – раздражённо отвечает Валерия. – Это у тебя урок кончился и все разошлись. А меня мои долго не отпускают.

Внизу к ним пристал с шутками охранник. Потом в шумной толпе студентов они вышли на улицу.

– Они ведь все такие активные. Везде лезут, всё им надо. Иной раз так и хочется рявкнуть: «Отвали от меня!»

– Только всё равно не услышат, да? Глухо, как в танке.

У них почти у всех глухота не врождённая, а приобретённая. Обычно в детстве. После перенесённого заболевания или после прививки. Один мальчик постоянно горько жаловался Валерии, что ему хуже всех. Они обычно не помнят, как они слышали. Слишком маленькие были. А он помнит, что он музыку слушать любил.

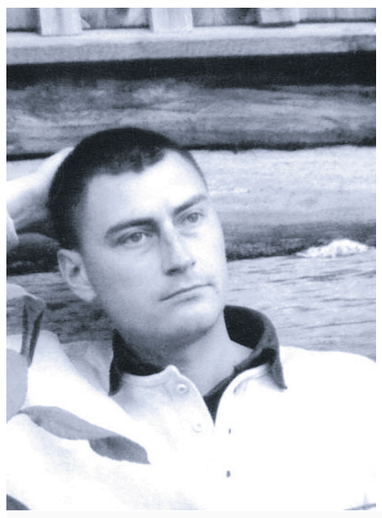
* * *

Ударил мяч об асфальт. Захлопав крыльями, в небо взметнулась стая голубей. С балкона раздаётся раздражённый крик:

– Вовка, домой!

– Слышу! – нахально откликается Вовка. – Я не глухой!

В нашем городе есть двор. Там



Андрей Минеев – прозаик. Родился в 1976 году в г. Тольятти. Окончил Тольяттинский политехнический институт и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А.М. Горького. Член Союза российских писателей. Автор книги рассказов и повестей «Очаровательный молодой человек». В 2007-ом его цикл рассказов «Тёмный лес» вошёл в шорт-лист Литературной премии Фонда имени В.П. Астафьева. Публиковался в еженедельнике «Литературная Россия», в журналах «День и ночь», «Литературный МІХ», «Город».

все дети глухие. Их туда не специально поселили. Просто им всем несколько лет назад прививку сделали, после которой у них было осложнение. Все оглохли.

Обычный день. Лето. Дети играют. Сначала даже непонятно, отчего какое-то странное тревожное ощущение. Спустя некоторое время понимаешь. Дети играют в полной тишине. Ни звука.

Тихий двор. Это жутко.

* * *

Взял книгу, а из нёе выпал зелёный с красными прожилками сухой лист. Я сижу в кресле, а она лежит на кровати, укрывшись одеялом. Из-под одеяла вытянула ноги в шерстяных носках. У неё румяно горят щеки. Иногда я слышу её хриплый кашель.

– Может, тебе чаю с малиной сделать?

– Сделай. Если тебе не трудно.

Она запахнула халат на груди и стряхивает градусник. За тёмным окном в их учебном корпусе мерцают огни дискотеки.

– Это твои гуляют?

– Ага. Я должна там сегодня дежурить. Между прочим, мне один мальчик стихи написал. Очень хотел, чтобы я сегодня пришла.

– Как интересно. А ты что?

– А я заболела.

В чайнике, булькая и брызгая, кипела вода. На улице пошёл снег. Падая на землю, он намокал и чернел в лужах.

– Знаешь, я их раньше жалел. А теперь, когда тебя послушал…

– Не надо их жалеть. У них у всех такое качество есть характерное. Сразу на шею садиться. К ним нужно относиться, как к обычным людям. У нас есть наркоман, есть голубой мальчик…

– Глухой, да ещё и пидор? – лениво изумился я.

– Ничто человеческое им не чуждо. Они очень музыкальные. Они и танцуют, и поют.

– Я понимаю, что танцуют. А поют как?

– Молча! – засмеялась она. – Ручками.

За окном гудит и посвистывает ветер. А где-то под палящим солнцем тянутся на склонах поля виноградников, оливковые рощи, благоухающие лимонные деревья. В зарослях тростника журчит ручей с прозрачной водой и каменистым дном. Там ходит босиком девушка в соломенной шляпе с красной лентой.

Взяв карты, Валерия стала раскладывать пасьянс на одеяле. Почувствовав, что я внимательно смотрю на неё, повернулась и вздохнула:

– Мне их только иногда жалко. Когда я представляю, что какая-нибудь девушка никогда не услышит, как любимый человек ей скажет: «Я тебя люблю!» Он никогда ласково в темноте не прошепчет ей.

– Зато она никогда не услышит «я тебя больше не люблю», – сказал я. – И вообще она в жизни много такого не услышит, чего лучше не слышать.

На тумбе рядом с кроватью заиграл мелодию телефон. Она протянула к нему голую полную руку. Посмотрела на номер и недовольно поморщилась. Потом она долго возмущалась, но пообещала прийти. Откинув одеяло, спряталась за дверью шкафа и стала одеваться.

– Что у них опять случилось? – спросил я, листая журнал.

– Там моего ученика избили. Телефон отобрали. Милиция приехала и не может его допросить.

– А кроме тебя некому?

– Глухие только у меня.

Она собрала на затылке и заколола кудрявые волосы. Повязала на шее платок.

– Ты надолго? Цветы поливать, пока тебя не будет?

– Да. Я быстро. А цветы поливай каждые три дня.

– Может, мне с тобой пойти?

– Не надо. Тебя обратно могут не пустить.

Я снял с вешалки и помог ей надеть пальто. Она взяла перчатки, накинула на голову капюшон. Пожав плечами, я поразился:

– И зачем глухому телефон? Правильно сделали, что отобрали. Так им и скажи.

…В милицейской патрульной машине шипит рация. Пострадавший юноша сидит, склонив голову, надвинув на глаза вязаную шапку. Бросив папку с пустым протоколом на колени напарнику, лейтенант вздохнул и проворчал:

– Уши большие, а толку мало. Отрезал бы их совсем. Чтобы не вводить в заблуждение людей.

– А что с этим балбесом?

– У него звук выключен… – нахмурив лоб, лейтенант начал игру в телефоне. – Короче, сидим и ждём. Сейчас должна какая-то коза подскочить, которая на пальцах разговаривает.

В темноте стучат каблуки женских туфель. Все нормальные люди в такую ночь дома сидят.

– А зачем я нужна? – подняв воротник, отворачиваясь от ветра, удивляется Валерия. – Он разве сам не может написать заявление? У них даже в церкви исповедь письменно принимают.

– Знаете, девушка, есть процедура. Если он глухонемой, то я с ним только через сурдопереводчика должен разговаривать. Это так в законе написано. Я ведь не сижу и сам ничего не придумываю.

– Но я не сурдопереводчик! Я просто преподаватель.

…В её комнате много цветов. В разных по величине горшках на окне, на столе и на стенах. С широкими, гладкими и ворсистыми листьями, с шипами, со свисающими усами. В углу в кадке растёт деревце с бородавчатым стволом. Папоротники, кактусы, колокольчики, бальзамины, бегонии. У неё много фотографий, которые она снимала, когда они цвели.

Скрипнула дверь. Склонившийся над цветами, я поднял голову. Подруга принесла ей лекарства. Увидев пустую кровать, она удивлённо спросила:

– А где больная?

– На танцах.

– Ах, конечно! Там без неё никак не обойдутся.

У подруги острые, резкие черты лица. Презрительно изогнуты тонкие губы.

– А ты чем тут занимаешься? Цветочки нюхаешь? – спросила она и смерила меня долгим пристальным взглядом. – Когда ты ей скажешь?

– Что именно?

– Что ты её больше не любишь.

За дверью в общем коридоре раздались крики и смех. Я поиграл желваками и пообещал:

– Сегодня.

– Я поражаюсь. Как она сама не догадывается? Глухих учит, а сама слепая.

…Когда Валерия пришла, я помог ей раздеться. Она устала и замёрзла, но у неё блестят глаза и она улыбается.

– Как всё прошло?

Махнув рукой, она села и стала расстёгивать сапоги:

– Никто у него ничего не отбирал. Это он придумал, чтобы меня увидеть.

Потом мы сидели на полу в темноте в маленькой заставленной цветами комнате с высоким потолком. Под дверью из коридора пробивалась полоска света.

– Из-за моей работы так получается, что я половину жизни в тишине провожу. Я тихо живу. У меня тихая жизнь.

– Я тебе должен кое в чём признаться, – я обнял её и тихо ласково прошептал: – Ты ведь не глухая? Тебе можно в темноте прошептать? Я тебя люблю!

Словно в забытьи, она молча прижимается, улыбаясь и откидывая назад голову. Душистые запахи и ароматы цветов. У неё горячее тело и холодные лицо и руки.

Тихое счастье. Оно прекрасно.

Книгу листает ветер…

В долину пришла осень. Увядают цветы. Стоят высокие горы со снежными вершинами. Тёплый день. Прошёл дождь. Над блеклыми поникшими цветами висит туман. Который оказывается огромным роем летающих и спаривающихся муравьёв.

Крылатые самки и самцы вылетают из земляных нор целыми стаями, кружась в воздухе густым облаком. Потом обессиленные самцы падают и умирают. За всем, что происходит, с земли внимательно наблюдают обычные муравьи. Если в их гнезде нет самки, то они бросаются и хватают оплодотворённую самку. Оборвав ей крылья, силой тащат в гнездо, где начинают оказывать ей знаки почитания, как царице. Но если самка никому не нужна, то ей приходится самой искать себе гнездо. Такие обычно погибают.

У входа в царские покои стоят солдаты. У них грозный вид и воинственный нрав. У них страшные челюсти в полголовы. Запас ядовитой кислоты в брюшке. Широкую грудь защищает прочный хитиновый панцирь. Мохнатые ноги со шпорами широко расставлены. Склонив угрожающе большую голову, они неподвижно стоят на своём посту. Они пропускают только придворных.

Царица живёт изолированно в окружении многочисленной свиты, которая беспрестанно чистит и кормит её. Они помогают ей переворачиваться. Она практически неподвижна. За много лет её мышцы высохли. Большие царские палаты расположены глубоко в земле. Там лежит огромная самка с раздутым брюхом, наполненным яйцами. Она живёт до двадцати лет и ежедневно откладывает по полторы тысячи яиц.

Много лет назад она начала создавать свою империю. Тёплым осенним днём она переступила через оплодотворившего её и умершего самца. Ей повезло. Она нашла уже готовое гнездо и убила прежнюю царицу. Свита сразу начала оказывать царские почести новой хозяйке. Тело прежней рабочие унесли по узким ходам наверх.

Теперь это была огромная империя. С отделившимися от материнского гнезда и теперь также разросшимися огромными колониями и федерациями. С виду она процветала. Но появились признаки приближающейся беды. Перенаселение колонии грозило гибелью. Муравьи-няньки начали поедать личинок.

Непрерывно облизываемая придворными, царица тяжело заворочалась. Медленно пошевелила скапусами на тонких усиках. Повернув голову, оглядела своих приближённых огромными фасеточными глазами.

Чёрное полчище ковром ползёт по земле. Огромная армия движется не зная преград. Хищные муравьи наползли на льва, спящего в тени дерева. От их бесчисленных укусов он проснулся и бросился бежать.

Земля дрожит под наступающей армией. Топот и пыль. С высокой горы непобедимый полководец смотрит, как движется бессчётное войско, уходящее за горизонт. Бесконечный поток из вооружённых слонов, верблюдов, повозок, понтонов, таранов и штурмовых башен.

Он стоит на горе. Его светлые кудри развевает сухой ветер. Он молод, ему тридцать лет. А жить остаётся три года. У него сухая белая кожа с красными пятнами. На его теле восемь ран, от которых у него искривлена шея и ухудшилось зрение.

Две великие армии резко столкнулись. Это была война миров. Но её никто не заметил. Полчища бесстрашных муравьёв были растоптаны слонами и верблюдами, раздавлены колёсами тяжёлых повозок и осадных орудий. Роговые подошвы слонов и ободы колёс были мокрые от муравьиного яда. Александр Македонский никогда не узнал о своей победе. Это была неизвестная битва его индийского похода.

* * *

Тёмная ночь. Осёл привязан к дереву. Понуро опустив большую голову, он дремлет. Грязная рыжая шкура. Толстые длинные уши. Короткая стоячая грива. Хвост с пучком волос.

В саду за забором ходят с огнями солдаты. Лязг оружия. Вздрогнув, он смотрит мутным взглядом, вяло подаёт ослиный голос:

– И-а! – и снова опускает усталую голову.

Всё началось с того дня, когда утром он стоял привязан у ворот дома. Хозяин недавно начал привязывать его. С тех пор, как он научился мордой поднимать щеколду и уходить на прогулку. Молодой осёл предчувствовал хорошую погоду и весело резвился. Когда подошли люди и стали отвязывать его. Хозяин пытался помешать, но они пригрозили и он отступил.

Потом они привели осла к человеку с бородой и длинными волосами, который сел на него. Осёл заупрямился, но его стали бить и колоть острой палкой. Он тронулся с места.

В городе был праздник Пасхи. Гордо восседая на осле, в окружении своей свиты, неизвестный подъехал к храму. Войдя в него, он устроил погром. Стал кричать и выгонять всех, переворачивать праздничные столы и лавки. Резкие черты лица, искажённые гневом. Уходя, он пообещал, что здесь не останется камня на камне.

Все последующие дни они переходили из дома в дом. Ходили в церкви и на базары. Каждый раз ночевали на новом месте. Осла никто не поил и не кормил. Всем было не до него. Его просто привязывали и уходили спать.

И вот снова наступила ночь. В это время хозяин обычно насыпал ему его любимые бобы, которые он дробил с громким шумом. Теперь, несмотря на томившую жажду, он даже не пил поставленную ему воду. Потому как всякий знает, что если к пище осёл не требователен, то воду пьёт непременно чистую. Эти люди, которые целыми днями возмущали народ, сидели в новом доме. Они пировали, пили вино. Когда стемнело, они ушли. Измученный осёл проводил их равнодушным взглядом.

Он остался один ночью в незнакомом месте. Тьма пугает и человека, и животное. Звуки ночи всегда полны тревоги. Тихий плач или скрежет зубовный. Горе спящему. Беда всегда подкрадывается в такой час, когда её не ждут. А сон миллионов лет не дольше сна одного часа.

Чуткие ослиные уши уловили приближение множества шагов. Тогда от отчаяния он издал жуткий душераздирающий крик. Который сразу подхватили разбуженные ослы, запертые в хлевах ближайших домов. Получился адский концерт. Хор ослов, надрывающих глотки.

Под эту музыку в дом, где недавно пировали гости, ворвались солдаты. В шлемах с орлами, с железными пластинами на груди, в кожаных передниках. Обыскав дом и сад, они ушли. Начинался рассвет. Пропел петух.

Осёл стоял на жаре, и сознание его готово был помутиться, когда в полдень за ним неожиданно пришёл прежний хозяин. Увидев его, измождённое животное обезумело от радости.

Приведя расчувствовавшегося осла домой и позаботившись о нём, хозяин ушёл смотреть казнь преступников. После пыток на кресте распяли схваченного убийцу и самозванца, называвшего себя Царём. Еврей увидел в толпе людей, которые пять дней назад увели у него осла. Теперь они от всего отказывались и винили только своего учителя.

По предсказанию пророка Захарии будущий Царь должен был въехать в город на молодом осле. Поэтому пять дней назад, подойдя к воротам Иерусалима, Иисус Христос остановился и послал вперёд учеников. Они нашли осла и привели ему.

Осёл прожил потом долгую спокойную жизнь. Дожил до глубокой старости и умер в сорок лет. Встреча с Христом стала самым ужасным событием в ослиной жизни.

* * *

Тьма. Холод. Тишина. Камень падает из ниоткуда в никуда. Падает миллиарды и триллионы лет. Брошенный неизвестной рукой с начала времён, с сотворения мира. Но никогда никуда не прилетит. По бесконечным просторам. Летит со скоростью в тысячи раз быстрее пули – а словно стоит на месте, потому что космические расстояния бессмысленны.

Вокруг в бесконечной Вселенной гремят грандиозные Большие Взрывы, образуя новые звёзды. Он целые триллионолетия летит мимо. Красные гиганты и белые карлики, сжимающиеся цефеиды, взрывающиеся пульсары, нейтронные звёзды и квазары, светлые туманности и тёмные глобулы. Сверхгиганты и субкарлики. Долго летит мимо звёзд размером со всю нашу Солнечную систему. Непостижимые размеры, плотности, расстояния, температуры. В темноте в глубине необъятного космоса он летит невидим.

Бездонный, беспредельный мир. В ничтожной его точке есть обыкновенная галактика, каких не счесть. В этой галактике есть самая заурядная звезда, коих только в этой галактике бесчисленное множество.

Лишь в ничтожной точке на крохотной планете, вращающейся вокруг солнца, существует жизнь. Тончайшая плёнка вокруг земного шара.

…Полдень. Кипарисы, развесистые платаны, магнолии, миндальные и гранатовые деревья, кактусы, лиственницы и пихты. Лианы, висячие сады, кружевные листья папоротников. Толстый, обрюзглый хозяин райского острова сидит в своём дворце. На его роже трясётся дряблая кожа, потому что он сейчас веселится. Длинный стол с изысканными блюдами и вином. Мутные глаза его ещё больше замасливаются. Он улыбается и гладит её по волосам, в которые вплетены цветы.

…Вечер. В холодной стране на краю света начинает садиться бледное солнце. Истощённый, болезненный, морщины на лбу. Вся боль человеческая, душа. Истязающий себя лишениями. Над ним вьются тучи кровососущего гнуса. Доносится далёкий торжественный колокольный звон. Высокая чёрная гора с маленькой белой церковью на вершине. Суровая природа. Между камней дрожат мелкие синие и жёлтые цветы. Отплыл от берега и сидит сгорбленный в лодке. Одиночество. Тишина. Холодная вода. Поплавок неподвижен.

…Ночь. На песчаном пляже горит костёр. Скрежет листьев пальмы на ветру. Берег тёплого океана. Негры пляшут. Варится акулья уха.

Огромный камень, падавший в никуда из ниоткуда, вдруг вспыхнул, как спичка. Страшный свист. Необыкновенное зрелище на миг в небе. Со страшным грохотом упал в океанскую толщу, всклубив пар, испарив в один миг сразу тонны воды. Поднявшаяся гигантская волна три раза обогнула земной шар.

На райском острове руины дворца.

В холодной стране щепки разбитой лодки бьются о камни.

На песчаном пляже лежат вывороченные с корнями пальмы.

Камень остыл, опустился на дно океана. Так неожиданно найдя покой.

Тьма. Холод. Тишина. Камень лежит неподвижно. Его облепили ракушки. По нему медленно ползают кольчатые морские черви…

* * *

За окном выла вьюга. А я лежал и чувствовал рядом горячее усталое тело женщины. Это была бунинская скитальческая поэзия гостиничной или дачной жизни. Нет обузы обещаний, обременяющих вещей. Твоё только то, что можешь унести. Нет ничего позади, и не ясно, что впереди. Рядом лежит женщина. На столе есть вино. Вьюга, метель.

Я вспомнил, как здесь летом. Поля. Травы. Старая тюрьма. Заброшенный военный аэродром. На берегу выстроенный из валунов салотопленный завод и амбар для хранения. Низкая дверь. Там темно. Внутри огромная печь с горном. Огромный медный котёл для варки тюленьего сала.

На столе книга. Раскрыто окно. Ветер переворачивает страницы. Книга эта удивительна, слова в ней необыкновенны. Арктур, Бетельгейзе, Вега, Цефея, Спика, Туманность Андромеды, Тау Кита, Ригель, Денебола, Капелла, Сириус, Фомальгаут, Магеллановы облака, Боде, Веретено, Мейола, Центавра, Гончие Псы, Волосы Вероники.

Шорох страниц. В них вложены зелёные листья ландышей, красные лепестки роз.